

философ должен здесь *верить духовному опыту вопреки опыту чувственному* и добиваться того, чтобы его „духовные очи и телесные глаза совершенно совпали друг с другом“.<sup>1</sup> В этом *доверии к показаниям предметной интроспекции* — ключ к пониманию всей философии Гегеля и особенно его этики.

И вот, первое, чему научает предметная интроспекция в сфере нравственного, есть неизбежность *исцеления человека от того внутреннего разрыва, к которому он был приведен в процессе правового и морального само-освобождения.*

В борьбе со своим телом и со своими естественными и непосредственными состояниями душа человека уже поднялась до уровня интеллигентного духа<sup>2</sup> и утвердила себя как *субъективно-свободную и субъективно-всеобщую волю, т. е. как единую и цельную страсть духа, нашедшую себе достойный уровень жизни и ищущую полного удовлетворения своей разумной и благой природе.*<sup>3</sup> Однако первая же попытка создать себе такое свободное и достойное удовлетворение обратила волю к *вещественному* инобытию и заставила ее сосредоточиться на своем *центробежном* уклоне. Энергия духовной жизни была отозвана от центра и ввязалась в сложный *периферический* процесс борьбы за свободу („право“).<sup>4</sup> В этом отвлечении и уходе на поверхность жизни единая и цельная воля, по-видимому, разделилась на две стороны, как бы на *две отдельные воли*: во-первых, *особенную, субъективную, личную волю, живущую сознательно* и потому „сущую для себя“, и, во-вторых, *всеобщую, субстанциальную волю, живущую в бессознательной глубине* и потому сущую лишь „по себе“. В таком состоянии раздельности пребывает обычное — эмпирическое и рассудочное — сознание человека; оно остается в нем даже и тогда, когда, *выстрадав себе „вещное“ и „договорное“ освобождение и осуществив до конца „неправду“ своего обособления,*<sup>5</sup> оно приступает к *внутреннему самоопределению („мораль“).*<sup>6</sup>

Моральная воля как таковая стоит на верном пути (центростремительной самодеятельности), но живет в отрыве от своей всеобщей и субстанциальной глубины; она остается *личною особенною волею — субъективным исканием* того, что по существу своему *сверхсубъективно*. Она, как уже выяснено, не знает основной тайны своего бытия, именно того, что *добро* есть ее собственная, имманентная ей, *всеобщая сущность воли*. И не ведая ее, она растрчивает свою энергию в бесплодных порывах, жизненных противоречиях и непрестанных самоугрызениях. Эти блуждания приводят ее к тому, что она влачит свои дни в несчастьи и духовной разоренности: жизнь, лишенная удовлет-

<sup>1</sup> Lass. II. 465.

<sup>2</sup> См. главу пятнадцатую.

<sup>3</sup> См. главу пятнадцатую.

<sup>4</sup> См. главу шестнадцатую.

<sup>5</sup> См. главу шестнадцатую

<sup>6</sup> См. главу семнадцатую.

ворения, любви и радости, утратившая всякую гармонию, всякое подлинное, прекрасное содержание, полная недоверия к себе и судорожных насилий над собою, — вот итог моральной слепоты и разорванности.<sup>1</sup>

Это бедственное и мучительное состояние ждет своего исцеления и исцеление может прийти только из *глубины самой страждущей воли*. Моральное искание находит в этой глубине *голос совести* и в нем — свой собственный конец.

*Совесть* есть *адекватное знание абсолютного добра*.<sup>2</sup> То, что знается совестью, есть *само добро*, т. е. *Божественная сущность мира*.

Согласно основному откровению, составляющему все содержание философии, добро *не* есть отвлеченный идеал,<sup>3</sup> но *подлинная, хотя и сокровенная сущность мира*. Всюду, куда ни взглянет спекулятивно-прозревшее око, оно видит следы этой благой сущности, оно видит *присутствие* добра, „неразрывно“ сращенного с миром и „поглощенного явлениями мирового развития“, составляющего их „по себе“ сущее ядро и участвующего в их действительности.<sup>4</sup> Добро есть „всеобщая“<sup>5</sup> стихия, творящая и осуществляющая себя в мире и восходящая по его ступеням, к себе как „всеобщей и конечной цели мира“<sup>6</sup> (Аристотель). Это можно выразить так, что „истинное“ и „благое“ суть „одно и то же; первое — в сфере знания, второе — в сфере воли“;<sup>7</sup> что *весь космос* приобщен благодати Божьей; что он *несом* ее благою и всепроникающею силою; что он *созидается имманентно, изнутри*, разумною стихиею божественного Смысла, принявшего на себя бремя эмпирического существования и эмпирической раздробленности.

Поэтому тот, кто познаёт действительный строй мира, познаёт его как *явление Божией силы и благодати*, и, обратно, тот, кто познает идею самой благодатной силы, т. е. *идею абсолютного добра*, тот проникает в *имманентную сущность действительности*.<sup>8</sup> Эта „разумная“ сущность мира раскрывается философу как сила, *победившая* эмпирический материал, подчинившая его себе и отождествившая себя с ним: она вступила в него, пронизала его сумрачную ткань своим светом и превратила его в свой верный „образ“. *Совесть* и есть адекватное познание этого „образа“, *являющегося в виде человеческой воли*.

Совесть познаёт *добро* как благодатную, всеобщую силу, таившуюся доселе в глубине души, в „отрыве“ от „особенной“,

<sup>1</sup> См. главу семнадцатую. <sup>2</sup> См. главу семнадцатую. <sup>3</sup> Ср., напр., Log. III. 323. Recht. 194. 195. 200. <sup>4</sup> Ср.: Phän. 289. <sup>5</sup> Ср.; напр., Епс. III. 388. Recht. 179. 207. Rel. I. 199. Ср. главу пятую. <sup>6</sup> Beweise A 464. Курсив автора. <sup>7</sup> Rel. I. 336. <sup>8</sup> См. главу одиннадцатую.

субъективной воли человека. Она познает, что „особенная“ воля, мнившая себя самостоятельной величиной и утверждавшая себя в „отрыве“ от „всеобщего“, никогда не могла осуществить этого отрыва до конца: она всегда оставалась *реальной модификацией всеобщей воли*, — и тогда, когда она восставала против нее („преступление“), и тогда, когда она превращала ее содержание в свой „неосуществимый идеал“ (мораль). Самый „отрыв“, который ставил ее в трудное и ложное положение, *никогда* не имел характера реального раскола, рассечения, разлучения; это было состояние незнания, несознавания, заблуждения — отвернувшийся взор, померкшее видение, забывшая память. Человек жил, погруженный в свои „особенные“ интересы, не взирая на благодатные корни своего существа, фиксируя взором и желанием то, что не существенно, *не* субстанциально, гоняясь за мнимыми ценностями и угождая своим случайным влечениям. И все-таки огонь жизни, горевший в нем, оставался божественным огнем: „модус“ Божий, забывший о своем „атрибутивном“ составе, оставался живым видоизменением Божества (Спиноза). Этим обеспечивалось его возрождение. И *совесть* оставалась источником этого возрождения.

Совесть раскрывает человеческому сознанию, что *истинное* положение дел, не соответствует *мнимому*, т. е. что *особенная воля* *остаётся* *всегда* *модификацией* *всеобщей воли* и что, следовательно, добро сокрыто не в „идеальной дали“, а в *природе самой воли*. „Добро есть вообще сущность воли (das Wesen des Willens), в ее субстанциальности и всеобщности, — воля в ее истинности“.<sup>1</sup> „Существенно и доброкачественно (wesentlich und gut) суть, помимо всего, (термины) равнозначашие“;<sup>2</sup> доброкачественно (gut) то, что по отношению к воле существенно“.<sup>3</sup> „Добро есть сама по себе определенная“ Всеобщность „воли“, которая именно в силу этого „включает в себя“ ее „особенность“;<sup>4</sup> добро есть „субстанция“ воли,<sup>5</sup> которой необходимо вступить в действительность „через посредство особенной воли“;<sup>6</sup> и это вступление придает добру осуществленную полноту бытия; оно делает его действительным „образом мира“. Поэтому можно сказать, что добро в своем зрелом и целостном виде есть „идея как единство понятия воли и особенной воли“,<sup>7</sup> или, что то же, *спекулятивное тождество волевой субстанции и волевого существования*.

Для того чтобы представить себе „добро“, необходимо вообразить сближение, совпадение и наконец *конкретное тождество*, состоявшееся между всеобщую, правою, и особенною, субъек-

<sup>1</sup> Recht. 173.      <sup>2</sup> Recht. 193.      <sup>3</sup> Recht. 193.      <sup>4</sup> Енс. III. 388.  
<sup>5</sup> Recht. 172.      <sup>6</sup> Recht. 172; ср.: Recht 176.      <sup>7</sup> Recht. 171. Курсив Гегеля.

ективную, волю. В этом сращении обе стороны, на разлучении которых построено все моральное учение, вступают одна в другую, взаимно приемлют друг друга и согласно основному закону *спекулятивной конкретности*<sup>1</sup> творчески вработываются друг в друга, выражая себя в ткани своего „другого“.

Субъективная, особенная, воля, осуществляя *свою субъективность* в познании добра, т. е. свою самостоятельность и самобытность в его обретении и исповедании, естественно приходит к тому, чтобы обратить свой взор к *субстанциальным недрам* своего существа и тем восстановить свое „видение“ и свою „память“. Утомленная бессодержательностью и ирреальностью морального идеала, она вынуждена обратиться к *содержательной реальности* своего собственного „всеобщего“ корня как средоточию „абсолютной достоверности“.<sup>2</sup> Но так как „всеобщее-реальное“ улавливается и постигается только силою спекулятивного мышления,<sup>3</sup> а спекулятивная мысль устанавливает *тождество субъекта и объекта*, то истинная совесть неизбежно ведет к *реальному сращению особенной воли и всеобщей воли*.

Для того чтобы состоялось это *сращение*, дух человека должен отважиться на величайшее самоуглубление;<sup>4</sup> он должен осуществить „глубочайшее, внутреннее одиночество с самим собою, в котором все внешнее и всякая ограниченность исчезают“<sup>5</sup> и человек оказывается не-скованным своими личными, особенными целями. В такой целостной спекулятивной сосредоточенности дурная субъективность угасает<sup>6</sup> и особенная воля „наполняется“ благою сущностью Всеобщего.

Это „наполнение“ не есть акт рассудочного познания, результатом которого является приобретенное „сведение“. Нет; спекулятивное познание остается и в этике *метафизическим* событием *реального схождения, творческого взаимопроникновения и обновления* сторон. Субъект и объект творчески обновляются и начинают жить по-новому: слагается новый „образ мира“ — *образ нравственности*.

По общему закону спекулятивного мышления, созерцающее сознание отдается предмету, а предмет завладевает субъективную мыслью: возникает *новое бытие*. Сущее „само по себе“ — сокровенная, правая всеобщность — делается достоянием особенного сознания и становится осознанной; но, так как субъективное сознание есть не что иное, как состояние этой самой субстанциальной воли, то осознанность ее есть осознанность, вы-

<sup>1</sup> См. главу седьмую.    <sup>2</sup> Recht. 179.    <sup>3</sup> Recht. 173. См. главы третью и пятую.    <sup>4</sup> „Untergang in sich“: Recht. 180 (Z.).    <sup>5</sup> Ср.: „durchgängige Zurückgezogenheit in sich“: Recht. 180 (Z.).    <sup>6</sup> Ср., напр., Rel. I. 199. См. главу третью.

полненная *ею самою*: всеобщая воля вступила в сферу *самосознания*. Это может быть выражено так, что „добро вступает в действительность и является в виде существующего самосознания“.<sup>1</sup> Всеобщая, благая стихия субъективной души принимает форму особенной воли, вторгается в качестве абсолютной силы в сознательную жизнь человека, очищает ее своим огнем и предстает в виде целостной индивидуальности. *Добро* приобретает в лице особенной человеческой воли *существование*, ставится *действительностью*, действительным образом мира; трижды реальной *идеєю воли*, образом *нравственности*.<sup>2</sup>

Соответственно этому обновляется и жизнь „особенной“ воли. Сознание ее, предавшись предмету, не подчиняется ему и не порабощается им; напротив, предметом совестного знания является подлинная сущность *самого познающего субъекта* — и познание сращивает субъекта с *его собственными корнями*; а это означает, что совесть сохраняет человеку его *свободу*.<sup>3</sup> Мало того, она впервые освобождает его от морального гнета и насилия, творившегося во имя „далекого“ идеала; она впервые дает ему познание того, что „особенная“ воля есть в ее *собственной* сущности живое видоизменение субъективно-всеобщей воли, и что поэтому она не имеет в ее лице *никакого инобытия*. „Особенная“ воля *прозревает* в отношении себя самой: она осознает и признает то, что и без нее сознание было налицо, но неведение чего повергало ее в беспомощность и блуждание. Она *приемлет* свою собственную открывшуюся ей благую природу как *свою собственную*; сливается с нею, наполняется ее духом и ее содержанием, очищает ее огнем все свои желания и цели и освящает ее святостью свои интересы, права и действия. Особенная воля познает себя как живое явление субъективно-всеобщей воли, а субъективно-всеобщую волю — как свою живую сущность.<sup>4</sup>

Так возникает новая действительность, именуемая *нравственной волею*. Акт совести в качестве истинно-спекулятивного акта есть сразу *акт познания и акт создания*: познающее, познавая, созидает себя к новой жизни, а создающееся создается в результате спекулятивного познания. Это может быть выражено так, что *всеобщая благая природа воли осознает себя в акте совести*; или так, что совестное само-сознание человека есть познание им *своей божественной сущности*; или еще так: *благая сила Божия*, скрытая в глубине субъективного духа („субъективно-всеобщая воля“), *познает себя через человеческую совесть* как осуществленный и действительный образ *нравствен-*

<sup>1</sup> „daseiendes Selbstbewusstsein“: Phän. 582.

<sup>2</sup> Recht. 207. 208

<sup>3</sup> См.

главу тринадцатую. <sup>4</sup> Ср. главы пятую и пятнадцатую.

ности. Все эти описания относятся предметно к единому событию.

Поэтому тезис „совесть есть знание добра“ можно раскрыть так: *совесть есть спекулятивное созерцание человеческого духа, осуществляющего конкретное тождество субъективно-особенной и субъективно-всеобщей воли.* В этом тождестве созерцающее и созерцаемое суть едино: „субъективное знание и воление“ есть то же самое, что „истинное добро“,<sup>1</sup> и обратно. „Добро“ не есть уже отвлеченный идеал, но живая<sup>2</sup> творческая сила, утвердившая себя в качестве природы субъективного самосознания.<sup>3</sup> Субъективное „знание и воление“ не предается уже произвольному шатанию, но движется в едином, абсолютно верном русле спекулятивного самоопределения.

Понятно, что тождество двух волений имело место и раньше, но оно оставалось доселе чем-то „природным“, „внутренним“,<sup>4</sup> бессознательным. Акт совести только вводит его в сознание и раскрывает.

Человек *всегда субстанциален*, но ошибочно принимает себя за эмпирическое явление. Он *всегда* скрывает в себе начало *всеобщей воли*, но, заблуждаясь, принимает себя за отвлеченную единичность. В глубине духа он *всегда свободен*, но часто знает себя только как душу, подверженную законам дурной необходимости.

Совесть вводит человека в новый способ жизни: он начинает *жить в сознательном тождестве с субъективно-всеобщей волей*, не отличая себя от нее и ее от себя. Такое отождествление имеет двойкие последствия: во-первых, оно обновляет *внутренний строй душевной жизни*, и, во-вторых, оно открывает ему *новое отношение к другим людям*; то и другое через слияние с *субъективно-всеобщей волей*.

*Внутренний строй* душевной жизни обновляется в том смысле, что человек достигает *истинной правоты, свободы и цельности*.

*Правота* духовной жизни возникает в душе вследствие того, что особенная воля приемлет свою скрытую, благую сущность и проникается ее содержанием. Субъект не ищет уже добра вне себя, ибо он нашел его в себе. Тот глубочайший корень субъективной души, который искони благ и разумен, неизменно направлен на свободу и не поддается ни искажениям, ни извращениям,<sup>5</sup> — отныне *тождествен* с потоком субъективной, личной жизни. Добро и правота облеклись в форму субъективной воли,<sup>6</sup> а субъективная воля слила свою жизнь с жизнью своей субстанциальной сущности. Возникает „конкретный моральный

<sup>1</sup> Rechl. 181—182.    <sup>2</sup> Rechl. 210.    <sup>3</sup> Rechl. 210.    <sup>4</sup> Ср.: Lass. II. 466.  
<sup>5</sup> См. главы шестнадцатую и семнадцатую.    <sup>6</sup> Ср.: Rechl. 207.

дух“,<sup>1</sup> или образ личной нравственности. Человек живет, как и прежде, субъективным настроением, но это есть уже настроение „права самого по себе“.<sup>2</sup> Особенная воля не отличает себя от всеобщей, зная, что ее собственная сила живет глубоким и верным дыханием существенной жизни. „Всеобщая воля“ не отстранена и не вытеснена в бессознательные подземелия личной жизни, но имеет открытый, творческий исход и определяющее значение.

Свобода духовной жизни возникает из этого сращенного единства двух волей. Благодаря ему особенная воля не испытывает никакого „подчинения“,<sup>3</sup> или „подавления“,<sup>4</sup> со стороны всеобщей воли; она не занимает по отношению к ней „подъяремного“ положения.<sup>5</sup> Все эти определения здесь совершенно не приложимы, ибо они предполагают раздельность и противостояние двух сторон. А между тем в нравственности окончательно утесла всякая раздельность. Мало сказать, что субъективная склонность и закон долженствования стоят в „согласованности“;<sup>6</sup> самый термин „согласия“ здесь уже не подходит,<sup>7</sup> ибо допускает наличность „двогласия“ и возможность „разногласия“. Нравственный закон и „действительная жизнь самосознания“ стоят в тождестве, исключая самую возможность „отношения“:<sup>8</sup> они суть *едино*. Поэтому в нравственности субъект не знает такого долженствования, которое оставалось бы только долженствованием,<sup>9</sup> и не было бы в то же время „бытием“,<sup>10</sup> „объективным бытием“,<sup>11</sup> осуществляющеюся „действительностью“.<sup>12</sup> Всякое самопринуждение отпадает; всякое „повиновение“<sup>13</sup> чуждому „закону“<sup>14</sup> исчезает. Субъективная склонность<sup>15</sup> и закон в *содержании своем* уже не различны.<sup>16</sup> Долг и влечение совпадают.<sup>17</sup> Субъект „непосредственно знает“<sup>18</sup> то самое и хочет непосредственно, сам по себе и из себя, того самого, что закон „предписал бы“ ему,<sup>19</sup> если бы сознание с ним справилось. Но ему нет надобности справляться с предписаниями закона и долга: он несет в самом себе „богатое живое содержание“<sup>20</sup> правой воли, и „склонность“ его имеет свой корень в его собственной всеобщей и неизменной правоте.<sup>21</sup> И в результате этого „закон“ как отвлеченное правило и мотив

<sup>1</sup> Phän. 477. <sup>2</sup> Recht. 208. См. главу шестнадцатую. <sup>3</sup> „Unterwerfung“: Nohl. 293. <sup>4</sup> „Unterdrückung“: Nohl. 301. 311. <sup>5</sup> „Unterjochung“: Nohl. 268. Anm. <sup>6</sup> „Uebereinstimmung“: Nohl. 268. <sup>7</sup> „nicht passend“: Nohl. 268. <sup>8</sup> „verhältnisslose Identität“: Recht. 212. <sup>9</sup> Cp.: „nur sein sollen“: Log. I. 146; cp.: Nohl. 267. Enc. III. 390. 391. Ph. G. 12. <sup>10</sup> „Sein“: Enc. III. 391. <sup>11</sup> „objektiv seiend“: Recht. 87. <sup>12</sup> „wirklich zu sein“: Enc. I. 11. Ph. G. 12. <sup>13</sup> „Gehorsam“: Nohl. 266. <sup>14</sup> Cp.: Nohl. 266. 269. 269. 277. <sup>15</sup> „Genelgtheit“, „Neigung“: Nohl. 268. 271—272. 277. 388. <sup>16</sup> Cp.: Nohl. 268. 277. 388. <sup>17</sup> Nohl. 277. <sup>18</sup> Phän. 316. <sup>19</sup> Nohl. 268. 271—272. <sup>20</sup> Cp.: Nohl. 269. <sup>21</sup> Cp.: Nohl. 388.

воли теряет свое прежнее значение: мотив обновляется и переносится в *глубину личного духа*. „Элемент“ разумной правоты<sup>1</sup> является имманентным субъекту и его деятельности: определение себя к правоте становится в полном смысле слова его *самоопределением*, и жизнь его являет собою „действительность свободы“.<sup>2</sup> „Понятие свободы“ становится „природою самосознания“,<sup>3</sup> а самосознание субъекта являет „адекватное существование свободы“<sup>4</sup> как абсолютного творческого самоопределения. Именно *свободное сращение бессознательной доброты и правоты с субъективным самосознанием* превращает „субстанциальные определения разума“ в целостное „нравственное настроение“.<sup>5</sup>

*Цельность* духовной жизни, недоступная моральной воле, оказывается естественным результатом „правоты“ и „свободы“. В душе человека осуществилось великое перемещение сил и состоялось желанное примирение противоположных влечений. Как бы следуя своему „инстинкту“<sup>6</sup> и не разрываясь между различными соблазнами, воля как „целостная“<sup>7</sup> страсть духа, уверенно и гармонично<sup>8</sup> осуществляет „правое“ и „должное“, видя в нем свою естественную и желанную цель. Совесть как некий „высший примиряющий гений“<sup>9</sup> создал в душе человека гармоническое настроение<sup>10</sup> готовности и добровольного<sup>11</sup> порыва, свободного от всякой борьбы с собою,<sup>12</sup> от жертвы<sup>13</sup> и насилия над собою. „Нравственное настроение состоит именно в том, чтобы непоколебимо пребывать в правом и воздерживаться от всякого изменения, потрясения“<sup>14</sup> и разлагающей критики.<sup>15</sup> „Царство нравственности, если оно налицо, есть мир незапятнанный и не омраченный никаким расколом“ и раздвоением (Zwiespalt).<sup>16</sup> В таком состоянии душа уже не знает неосуществленного долженствования и не творит недолжных осуществлений; она не знает бессильных, бесплодных настроений и не совершает бездушных, „механических“ поступков: ее настроения, целостно добрые и правые, суть в то же время ее осуществленные во вне деяния;<sup>17</sup> и обратно. Из сознательного противопоставления „разума“ и „чувственности“ (Кант) возникло их сращенное единство,<sup>18</sup> и душа сомкнулась в *органически живущую и творящую тотальность*.<sup>19</sup> Человек примиряется с добродетелью,<sup>20</sup>

<sup>1</sup> Ср.: Enc. III. 376—377.      <sup>2</sup> Enc. III. 376—377.      <sup>3</sup> Recht. 210.  
<sup>4</sup> Recht. 219      <sup>5</sup> „sittliche Gesinnung“: Ph. G. 72. См. главу девятнадцатую.  
<sup>6</sup> „gleichsam aus Instinkt“. Ph. G. 46.      <sup>7</sup> „Ganzheit des Gemüths“: Diff. 246.  
<sup>8</sup> „Harmonie“: Diff. 244. Phän. 457. 463.      <sup>9</sup> „höherer Genius der Versöhnlichkeit“:  
Nohl. 269.      <sup>10</sup> „Gesinnung“. Nohl. 268. Anm. 399      <sup>11</sup> „gerne thun“: Nohl.  
267.      <sup>12</sup> „ohne Kampf“: Nohl. 268. Anm.      <sup>13</sup> Ibidem.      <sup>14</sup> Phän. 325.  
<sup>15</sup> „zurückführen“: Phän. 325; „prüfen“: Phän. 326; ср.: „reflektiren“: Ph. G. 46.  
<sup>16</sup> Phän. 345.      <sup>17</sup> Ср.: Ham. 82.      <sup>18</sup> Ср.: Phän. 456.      <sup>19</sup> Ср., напр.:  
Glaub. 119. Nohl. 266.      <sup>20</sup> Nohl. 293.



ибо добродетель его есть *он сам*. Он живет ею, как своим *естественным и имманентным ритмом*, ибо нравственность стала его „вторую природою“, <sup>1</sup> его „абсолютной сущностью и в то же время абсолютной силою, не терпящею никакого искажения в своем содержании“.<sup>2</sup>

Так обновляет нравственность *внутренний* строй человеческой души. Это обновление можно охарактеризовать как *возвращение ее от периферии к центру*: энергия духовной жизни, вовлеченная, было, в сложный периферический процесс, окончательно сосредоточивается на *центростремительном* направлении и возвращается в лоно абсолютной правоты, ожидавшее ее в ее собственных недрах. Субъективно-личная воля живет отныне этую неисказимую и ненарушимую правотою, испытывая ее и зная ее, как свою собственную, реальнейшую и интимнейшую сущность. Это означает, что то „глубокое внутреннее одиночество с самим собою“, которое было осуществлено душою в акте совести и которое привело ее к великому нравственному обновлению, *ввело ее в новую сферу, погрузило ее в стихию самой спекулятивной Субстанции*, восстановило ее *тождество с объективно-всеобщую волю*.

Совесть есть акт *спекулятивного познания*; поэтому то, к чему она ведет и действительно приводит душу, есть *подлинная стихия Божественного Смысла*. Дух человека, *отдавшийся совести*, не только получает „весть“ о „сущности добра“, не только расширяет свое „знание“, но реально, до глубины души обновляет свою жизнь. Ибо то, что открывается „абсолютному созерцанию“<sup>3</sup> в акте совести, что вступает в сферу особенной воли и насыщает ее собою; эта „неисказимая в своей правоте и доброте“<sup>4</sup> „субъективно-всеобщая воля“<sup>5</sup> есть, по существу своему, *не личная, не субъективная, но сверхличная и объективная Всеобщность*,<sup>6</sup> познаваемая субъектом через самоуглубление, но реально уводящая его за пределы всякой конечности. Это есть само „абсолютное“ и „вечное“<sup>7</sup> содержание, сама космическая, благая, божественная Субстанция — единственный источник и единственное средоточие *истинной реальности*.<sup>8</sup> Вот почему освобождение от моральной разорванности ведет непосредственно к высшей „реализации“ субъекта.<sup>9</sup>

Совесть вводит человека — и познавательно, и реально — в „абсолютный Предмет“ (*die absolute Sache*)<sup>10</sup> и притом так, что всякая противоположность между „уверенностью“ и „истиной“, между „всеобщим и единичным, между целью и ее реальностью“

<sup>1</sup> Ph. G. 47      <sup>2</sup> Phän. 349.      <sup>3</sup> Lass. II. 467.      <sup>4</sup> См. главу шестнадцатую.      <sup>5</sup> См. главу пятнадцатую.      <sup>6</sup> См. главу пятую.      <sup>7</sup> Lass. II. 467.      <sup>8</sup> См. главу четвертую.      <sup>9</sup> „realisirt zu werden“: Enc. III. 369.      <sup>10</sup> Phän. 314.

исчезает: <sup>1</sup> существование Предмета составляет „действительность и деятельность самосознания“. <sup>2</sup> И этот Предмет есть „*нравственная Субстанция*“, а „сознание ее есть нравственное сознание“. <sup>3</sup> Душа человека поднялась к „абсолютному реальному единобытию с Абсолютным“. <sup>4</sup>

Такое сращение с Абсолютным каждый человек может осуществить только самостоятельно, в величайшем „уединении“ и погружении в себя. Но это не значит, что „*разъединение*“ людей явится зрелым результатом их *спекулятивного уединения*. Напротив, естественным и неизбежным результатом совестного „погружения в себя“ является истинное выхождение в „Абсолютное“ <sup>5</sup> и приобщение к строю жизни, имманентно присущему Субстанции. Душа человека вступает через „совесть“ в ту сферу, где *все* живет и слагается по закону *органической конкретности*. <sup>6</sup> „Единичная“ душа с ее „особенной“ волей, предавшись живому ритму субстанциальной Всеобщности, оказывается проникнутой и пронизанной ее силою, насыщенной ее содержанием и вовлеченной в *ассимилирующий, органический процесс, скрепляющий и сращивающий ее с другими, соподчиненными и совокупленными единичностями*. <sup>7</sup> Человек открывает, что Всеобщность, в которой он признал свою подлинную, кровную сущность, не есть его *исключительное* достояние; что именно в качестве *Всеобщности* она шире, чем ее *единичный орган*; что она есть *органическая тотальность*, свободно и беспрепятственно пронизывающая *все* свои части, органы и единичности, и тем поддерживающая их в себе и себя в них. <sup>8</sup>

Сознанию субъективной души, вовлеченному в спекулятивный процесс познания (*id est* создания) *нравственной жизни*, постепенно открывается обстояние самой глубокой и последней значительности: человек человеку не инобытие, но *органически сращенное единобытие*. Погружение души в Субстанцию приводит ее к *конкретной* жизни, осуществляющейся сразу в трех уклонах: во-первых, в *субъективно-внутреннем*, во-вторых, в *объективно-субстанциальном* и, в-третьих, в *объективно-социальном*. Все эти три уклона суть не более, как различные аспекты одного и того же состояния Духа — высшего состояния *Всеобщей Воли*, живущей в виде нравственно-организованного народа. Это может быть выражено так, что *действительный образ нравственности предполагает бытие многих, индивидуальных человеческих душ, отказавшихся от своей эмпирической самобытности и осуществивших троякое сращение: осо-*

<sup>1</sup> Phän. 314.    <sup>2</sup> Ibidem.    <sup>3</sup> Ibidem. Курсив Гегеля    <sup>4</sup> „das absolute reale Einssein des Einzelnen mit dem Absoluten“: W. Beh. 393.    <sup>5</sup> См. главы третью и пятую.    <sup>6</sup> См. главу седьмую.    <sup>7</sup> См. главу седьмую.    <sup>8</sup> См. главу седьмую.

бенная воля срастается в *каждой* душе с ее всеобщей, правую и благою стихией: это ведет к тому, что *целостная*, правая и свободная, *субъективная* воля познает свое тождество с *объективной субстанцией*, с самую божественную *Всеобщность*; а это может осуществиться лишь при том условии, что *все целостные субъективные воли срастутся* в единое бытие друг с другом.

Для того чтобы верно понять этот основополагающий пункт Гегелева учения, вскрывающий одно из самых кардинальных его прозрений и указующий исток *всей* его философии, необходимо еще раз отказаться от привычного созерцания предметов и обновить в себе специфический характер его видения. В данный момент это необходимо выполнить по отношению к предмету, именуемому *человеческой психикой*.

Эмпирическое воззрение привыкло воспринимать и исследовать „душевное“ в виде *множества отдельных, во времени процессуальных, субъективно-своеобразных, „функционально“ или „причинно“ связанных с отдельными телами живых единств*. К свойствам именно так воспринимаемого предмета приспособился и житейский, повседневный обиход, и метод индуктивного изучения, и способ понимания и разрешения моральной проблемы. Можно сказать, что „монадология“ Лейбница является самым последовательным метафизическим осуществлением этой концепции, а эмпирический эгоцентризм Макса Штирнера самым последовательным морально-практическим злоупотреблением ее. При таком восприятии невозможно говорить о „душе“ как *едином* реальном предмете, ибо реально даны лишь „души“, *отдельные и множественные*; точно так же нельзя знать что-либо об этих предметах непосредственно, ибо непосредственно каждому из людей доступен только *один* из них — его *собственная, „субъективная“* душа. Раздельность тел вещественно закрепляет и подтверждает раздельность душ, и общество людей предстает в виде *системы изолированных шахт*. Это уподобление получает особенное значение ввиду того, что из всего содержания, скрытого в каждой шахте, лишь немного сравнительно извлекается на свет сознания, и каждая из них неизменно укрывает в своей темной глубине какие-то непредвидимые загадочно-самобытные и своеобразные содержания и возможности. Эта картина существенного разъединения завершается в этических построениях независимо от того, исходят ли они от принципа долга (Кант), или от принципа „абсолютного Я“ (Фихте), или же от принципа эмпирической самобытности (романтики, Штирнер): этика строится как учение о *множестве субъективных, личных процессов, имеющих, может быть, черты сходства, но существенно различных по содержанию и отдельных по бытию*. Социальная „абстрактность“ челове-

ской монады остается последним словом этого понимания даже в том случае, если личность находит в себе „ноуменальную“ глубину, соединяющую ее с „потусторонним“ миропорядком и Божеством.

С этой системой психического и морального „монадизма“ Гегель порвал столь же радикально, как и с системой вещественного „атомизма“. Все его учение исходит из того, что „психический“ и „духовный“ предмет прежде всего *един* и *конкретен* и притом „конкретен“ не в том смысле, что он „слагается“ или „срастается“ из множества самостоятельных индивидуальностей, как из *первичных* монад, но в том смысле, что реальная ткань его *первоначально непрерывно* и *сращенно-сплошна*, и только затем уже во внутреннем развитии своем она как бы распадается на множество единичных и с виду самостоятельных, индивидуальных „душ“. Наука о духе созерцает свой предмет адекватно именно тогда, когда она имеет перед собою *конкретное единство, внутренне дифференцировавшее себя на дискретное множество*.

Согласно этому, Понятие как имманентная миру сущность сохраняет свой характер спекулятивной Всеобщности и тогда, когда оно имеет элементарный образ „естественной души“, и тогда, когда оно восходит на ступень „духовной“ зрелости. „Естественная душа“ человека, несмотря на свою спекулятивную слепоту и неведение, остается индивидуальным обособлением *общечеловеческой душевной субстанции*. Эта „субстанция“, эта „всеобщая душа“ (*allgemeine Seele*)<sup>1</sup> остается на всех ступенях мирового развития единою и общею основой, как бы первоначальным лоном, из которого все индивидуальные „обособления“ имеют свое „происхождение“ (Анаксимандр). „Душа“, подобно „миру“ и „Богу“, есть по существу своему „тотальность“, „конкретная всеобщность“, постигаемая мышлением;<sup>2</sup> и в этой своей „конкретности и тотальности“ она — „еще не дух“, а только „всеобщая имматериальность природы“ — есть „субстанция, абсолютная основа всякого обособления и единичного формирования духа“.<sup>3</sup> Поэтому она „не существует только в одном особенном индивидууме“,<sup>4</sup> но есть начало „*всепроницающее*“, „*вполне всеобщее*“,<sup>5</sup> „*объективное*“<sup>6</sup> и в качестве „абсолютной индифференции“<sup>7</sup> содержащее в себе все различия в их „идеальном“ виде.<sup>8</sup> При этом она, может быть, в тайне от своих индивидуальных обособлений, пребывает с ними в тождестве и, как подобает спекулятивной Всеобщности, присутствует в каждой

<sup>1</sup> Enc. III. 56; Ср.: „*allgemeine Naturseele*“: Enc. III. 202 (Z.). <sup>2</sup> Enc. I. 66. <sup>3</sup> Enc. III. 46. <sup>4</sup> Enc. III. 175 (Z.). <sup>5</sup> Enc. III. 175 (Z.). Курсив Гегеля. <sup>6</sup> Ср.: W. Beh. 394. Enc. II. 693. <sup>7</sup> W. Beh. 394. <sup>8</sup> Ср.: Enc. III. 175 (Z.).

личной душе всем своим содержанием, так что каждая человеческая душа может быть охарактеризована как „индивидуально определенная“ душа мира.<sup>1</sup>

Со вступлением в сферу духа положение дел по существу не меняется, но постепенно *подъемлет*ся в сознание и самосознание индивидуальной души. Дух остается первоначальной „неискоренимой субстанцией, текущей, равной себе сущностью“,<sup>2</sup> которая распадается (*zerspringt*) на „множество совершенно самостоятельных существ, подобно тому, как свет распадается на бесчисленное множество самостоятельно (*für sich*) светящихся пунктов — звезд“;<sup>3</sup> однако человеческие „самосознания“<sup>4</sup> при всей своей самостоятельности и „свободе“<sup>5</sup> „растворены“ (*aufgelöst sind*) в духовной „субстанции не только сами по себе (*an sich*), но и для себя (*für sich selbst*)“, т. е. они знают или, по крайней мере, *способны знать* о своей растворенности.<sup>6</sup> Субстанция как дух „разъемлет“ себя (*Diremtion*)<sup>7</sup> в процессе обособления<sup>8</sup> на множество единичных лиц, но оставляет за собою значение их „внутренней силы и необходимости“,<sup>9</sup> и этой внутренней силе, скрывающейся своими корнями в „подземном мире“ души,<sup>10</sup> единичные существа в конечном счете не могут сопротивляться.<sup>11</sup>

И вот если нравственность состоит прежде всего в том, что душа человека, пострадавшая до акта „совести“, познает себя и сознательно приемлет себя как живую модификацию духовной субстанции, а субстанцию — как свою живую и существенную Всеобщность, то это означает, что она познает себя как одну из живых единичностей единой духовной Всеобщности; это значит, что человек признает себя участником спекулятивной жизни, частью духовной тотальности, органом духовного организма;<sup>12</sup> иными словами, он видит и убеждается, что он живет не в отрыве от других людей, но в *сращении с ними*, и что, следовательно, вопреки видимой дискретности человеческих душ они в действительности стоят в *органически-конкретной связи*.

Это глубокое и своеобразное учение может быть сформулировано так: *люди сращены друг с другом, как органы единого Божественного организма; и нравственность состоит в том, чтобы сознательно и творчески жить этойю конкретной жизнью.*

<sup>1</sup> Enc. III. 146 (Z.).    <sup>2</sup> Phän. 139.    <sup>3</sup> Phän. 265.    <sup>4</sup> Phän. 139.  
<sup>5</sup> Phän. 139.    <sup>6</sup> Phän. 265.    <sup>7</sup> Enc. III. 391.    <sup>8</sup> „Die Substanz, als Geist sich... besondernd“: Enc. III. 394.    <sup>9</sup> Enc. III. 391.    <sup>10</sup> „Unterwelt“: Phän. 356.    <sup>11</sup> „kellen Widerstand leisten kann“: Log. III. 187.    <sup>12</sup> См. главы пятую и седьмую.

Люди сращены друг с другом *реально*, на самом деле, вопреки внешней эмпирической видимости, настойчиво свидетельствующей о том, что они „по существу“ разъединены. В этом состоит „невероятное противоречие“<sup>1</sup> социального бытия; и философия должна разрешить его. С одной стороны, дух оказывается в состоянии „насильственной разделенности на ряд различных самостоятельных существ“<sup>2</sup>, вполне свободных, самостоятельных, абсолютно чопорных и сопротивляющихся<sup>3</sup> друг другу; эти существа не только „различны“<sup>4</sup>, но и „неподатливы“<sup>5</sup> и „непрорывны“ друг для друга.<sup>6</sup> Однако, с другой стороны, стихия „души“, даже в своем индивидуальном виде, остается „имматериальной“ и поэтому<sup>7</sup> сохраняет способность к спекулятивной „тождественности“, вопреки всякому разъединению. Это объясняется тем, что стихия духа *органически едина по своей всеобщей метафизической сущности* и в то же время *механически множественна в своих единичных эмпирических явлениях*. Сознание, не прозревшее спекулятивно, воспринимающее одну эмпирическую поверхность бытия, фиксирует дискретную множественность людей и привыкает к строю внешнего разъединения и внутренней уединенности; оно живет так, как если бы иного, конкретного порядка вовсе не было, и даже склонно настаивать на его невозможности. Спекулятивное прозрение и приятие убеждает его в том, что сращенность индивидуальных душ *никогда не порывалась и порваться не может*, но что она была отодвинута, как бы вытеснена в глубину бытия и пребывала в непризнанном, нераскрытом, неразвитом, неактуальном виде, предоставляя разъединению господствовать на поверхности общения. Жизнь, культивирующая это поверхностное разъединение, предающаяся ему чувством, сознанием и волею, есть жизнь *субстанциально безнравственная*.

Трагикомедия человека состоит в том, что, созерцая только эту поверхность, не видя ничего более глубокого, он убеждается в своей ограниченности, конечности и несвободе и вступает в *борьбу с ограничивающим его инобытием*, не подозревая того, что это есть *борьба с призраком*. Спекулятивно слепая душа не знает, что человек есть *дух* и что дух *абсолютно свободен*; она не понимает, что *борьба с социальным инобытием неизбежно фиксирует его инобытие* и, разжигая страсть отрицания, превращает ее в пристрастную слепоту. И вот, спекулятивное прозрение открывает ему его *свободу*, вручая ему постепенно ключи

<sup>1</sup> „der ungeheure Widerspruch“: Enc. III. 275 (Z.).      <sup>2</sup> „gewaltige Divergenz des Geistes in verschiedene Selbstes“: Enc. III. 284 (Z.).      <sup>3</sup> Enc. III. 284 (Z.).  
<sup>4</sup> „Unterschieden“: Enc. III. 275 (Z.).      <sup>5</sup> Ср.: „starr“: Enc. III. 275 (Z.).  
<sup>6</sup> Ср.: „undurchbrechbar“: Enc. III. 275 (Z.).      <sup>7</sup> Enc. III. 166—167.

ко всякому „инобытию“<sup>1</sup> и уводя его при этом от пределов эмпирического самочувствия, со ступени на ступень — в глубину и сосредоточенность субстанциальной жизни. Каждое из завоеваний на этом пути совершается так, что человек обновляет условия своей жизни, уходя от того способа бытия, который заставлял его фиксировать „инобытие“ и противопоставлять его себе. Дух, разоблачая объект, углубляется в него, приемлет его в себя и растворяется в нем; он углубляется в *объект* и для этого неминуемо углубляется в *себя*, ибо движение к *сущности объекта* (объективному разуму) есть *eo ipso* движение к *сущности субъекта* (субъективному разуму).<sup>2</sup> Каждый новый „образ мира“ выражает собою новое освобождение духа, осуществимое только через конкретное приятие объекта и через новое самоуглубление души. Именно так обстоит дело и в нравственности.

Обращение личной души от дурной эмпирической дискретности к *божественно-конкретному порядку* состоит в *приятии социальной сращенности*, т. е. в подлинном признании, раскрытии и осуществлении ее силами личной души, остающейся, по видимости, в условиях эмпирического разъединения: живые человеческие индивидуальности как бы впервые вступают друг с другом в конкретное общение и осуществляют спекулятивное слияние.

Это сращение возникает в результате того, что человек усматривает в другом человеке ту же самую духовную стихию, субъективным видоизменением которой он признал себя. Такое признание ведет его к освобождению себя в другом и к утверждению своего органического тождества с ним; взаимное же прозрение и освобождение устанавливают спекулятивную сращенность душ.

До тех пор пока индивидуальная душа человека видит в другом человеке *инобытие*, спекулятивное сращение кажется ей неприемлемым и неосуществимым: она видит в ближнем нечто чуждое и постороннее, стесняющий и ограничивающий объект, и занимает по отношению к нему отрицающую и оборонительную позицию. Бытие другого „я“ обозначает для нее утрату свободы. Отсюда и возникает, еще на ступени естественного сознания,<sup>3</sup> борьба за свободу, на жизнь и на смерть; и уже там эта борьба заканчивается не простым господством сильного и подчинением слабого, но прорывом к „бескорыстному и разумному“ пониманию отношений: предметное „самоуглубление“ утверждает в подчиненном непринудимую глубину свободы и подъем этот рано или поздно заражает и господина. В результате этой борьбы самосознание приучается видеть в другом самосознании не просто

<sup>1</sup> См. главу тринадцатую. пятнадцатую.

<sup>2</sup> См. главу тринадцатую.

<sup>3</sup> См. главу

непокорный объект, но самостоятельное и духовное существо — своего „со-субъекта“ и становится „признающим самосознанием“.<sup>1</sup>

К этому „сосубъекту“ своему обращается потом за признанием и воля, „владеющая вещью“, и воля, стремящаяся к свободе через „договор“.<sup>2</sup> Правда, в договоре люди встречаются лишь „особенными“ волями и устанавливают поверхностное и основанное на произвольном решении совпадение волей; правда, слияние особенных волей остается здесь и по объекту и по субъекту ограниченным — и тем не менее исходный пункт для спекулятивного сращения оказывается уже намеченным: человек, стремясь к свободе, стал „признающим и ищущим ответного признания духом“, он научился искать в другом подобие себе, и это искание получает свой истинный характер именно в нравственности.

Обращаясь к „другому“ из глубины нравственного прозрения, дух человека по-прежнему ищет в нем „подобие себе“,<sup>3</sup> но „себе“ углубленному, возрожденному и исцеленному: человек ищет в человеке ту самую глубину *Всеобщности*, которую он открыл в себе. Он ищет ее потому, что познал себя как верное явление *Субстанции*, а *Субстанцию* как абсолютно свободную от инобытия силу; поэтому он с полным основанием не доверяет своей несвободе, коренящейся в видимом разъединении людей, и не может примириться с тем, что человек человеку в каком-нибудь отношении остается „мертвым“<sup>4</sup> объектом. Понятно, что человеку, ищущему в других людях божественной глубины, предстоит найти искомое, ибо он ищет в них того, что действительно составляет их подлинную сущность.

Это искание осуществляется посредством *спекулятивного приятия чужой жизни и органического вживания в ее содержание*.

Согласно общему закону „конкретного слияния“,<sup>5</sup> срастающиеся души не остаются „друг вне друга“, но каждая приемлет в себя „чужое“ содержание и отдает свое содержание другой душе. Возникает спекулятивный „обмен дарами“, в котором стороны по „форме“ сохраняются, но по „содержанию“ ассимилируются; каждая выражает себя „в функции“ другой и работает над созданием „взаимопроникновения“ и конкретного тождества с „инобытием“. Обмен спекулятивными дарами принимает характер „устойчивой непрерывности“,<sup>6</sup> и стороны связываются взаимно целевой связью: они жизненно вырастают одна в другую и поддержание „себя“ превращается для каждой в служение другой стороне. Возникает *органическая сопринадлежность душ, объединившихся в новое для*

<sup>1</sup> См. главу пятнадцатую.      <sup>2</sup> См. главу шестнадцатую.      <sup>3</sup> Ср.: „das Gleiche“: Nohl. 377.      <sup>4</sup> Ср.: Nohl. 379.      <sup>5</sup> См. главу седьмую.      <sup>6</sup> См. главу седьмую.



них, но по существу первоначальное, высшее или глубочайшее органическое образование.<sup>1</sup>

Однако в отличие от низших органических единств, социальное сращение, слагаясь в элементе душевно-духовной жизни, осуществляется силой чувства, сознания и воли, и потому достигает большей утонченности, верности и свободы. Срастающиеся души начинают с открытия того, что они „не чужды“<sup>2</sup> одна другой и движутся к тому, чтобы признать свою органическую связанность и принадлежность к единой *тотальности*. По мере того как сознательно „даваемое“ и „получаемое“<sup>3</sup> содержание ассимилируется, явное эмпирическое различие душ перестает ослеплять сознание и тяготит самочувствие каждой, и за видимыми „особенностями“ обнаруживается творчески несущая их субстанциальная *Всеобщность*. И вот, тогда человек начинает видеть в другом человеке модификацию единой сущности, индивидуально и „особенно“ оформившую свое содержание, но предавшую и эту особенность свою — спекулятивной ассимиляции. Человек узнаёт себя в другом и другого в себе; и тем самым находит путь к свободе.

Спекулятивное освобождение состоит в том, что человек осуществляет в себе „положительное знание себя самого в самости другого“;<sup>4</sup> тогда он созерцает в объекте „то же самое“,<sup>5</sup> что и в себе, „абсолютно то же самое“, что составляет природу самого субъекта;<sup>6</sup> тогда он „находит в другом себя самого“<sup>7</sup> и осуществляет „совершенное“, „реальное“ и „объективное“ „бытие и созерцание себя“ в чужой индивидуальности другого человека;<sup>8</sup> так научается он постепенно видеть „в каждом“ себя самого,<sup>9</sup> и, „относясь к другому“, он „относится непосредственно к себе самому“.<sup>10</sup> „Эта преднайденная мною свободная объективность другого, которая есть отрицание меня самого“, получает для меня значение моего собственного „бытия для себя“,<sup>11</sup> так что в конце концов я живу уверенностью, что найду во всей социальной действительности „только себя самого“:<sup>12</sup> бытие других несет мне ту же достоверность, как и мое собственное бытие,<sup>13</sup> ибо они суть „дух от моего духа“.<sup>14</sup>

<sup>1</sup> Ср.: главы седьмую и двенадцатую. <sup>2</sup> Nohl. 379. <sup>3</sup> Ср.: „gegenseitiges Nehmen und Geben“: Nohl. 380. <sup>4</sup> „das affirmative Wissen seiner selbst im andern Selbst“: Enc. III. 283. <sup>5</sup> „es schaut die Dieselbigkeit an“: Lass. II. 467. <sup>6</sup> „absolut dasselbe, was das Subjekt ist“: Lass. II. 467. <sup>7</sup> „sich selbst in einem Andern wiedergefunden“: Nohl. 322; ср.: Recht. 222. (Z.). <sup>8</sup> Ср.: „Das sich reell objektiv Anweisen des Individuums in dem Andern“: Lass. II. 464; „ein vollkommenes das Objektivsein und Anschauen des Individuums in dem Fremden“: Lass. II. 464—465. <sup>9</sup> „schaut das Individuum sich in jedem als sich selbst an“: Lass. II. 466. <sup>10</sup> „beziehe ich mich, indem ich mich auf den Andern beziehe, unmittelbar auf mich selber“: Enc. III. 284 (Z.). <sup>11</sup> Phän. 265. <sup>12</sup> Phän. 266. <sup>13</sup> Phän. 266. <sup>14</sup> „Geist von selnem Geist“: Lass. II. 465.

Этому „удвоению“<sup>1</sup> и умножению субъекта в других людях соответствует осуществленное им самим „удвоение“ каждого из сращенных с ним: дары жизненного содержания даются и приемлются *взаимно и каждая* из сторон получает новую жизнь в душе своего „со-субъекта“. Узнавший себя в чужой душе сам предоставил *свою* душу для того, чтобы другой мог в *его* душе узнать *себя*; и обратно. Каждый утверждает „свою“ реальность и в себе и в других, *и все* утверждают свою реальность *во всех*; так что каждый, совершая „рефлексию“ *в себя*, рефлектирует себя в *другого*<sup>2</sup> и *во всех* других, ибо *каждый присутствует во всех и все в каждом*. И притом так, что *каждый признает свободу другого и знает*, что он ее признает, и знает, что его свобода признана также другим и что другой знает о своем признании и о своей признанности.<sup>3</sup> И не только каждый признает свою свободу и признан другими в своей свободе, но при полном осуществлении образа *каждый знает и о своем тождестве с другими*. „Я вижу во всех, что они сами для себя суть такие же самостоятельные существа, как и я сам; я созерцаю в других (мое) свободное единство с ними так, что оно реально, как через меня, так и через самих. (Я созерцаю) их, как себя, а себя, как их“.<sup>4</sup> Иными словами, каждый не только осуществляет свое „единство“ с другими (как в себе, так и в них), но, сверх того, знает, что оно обстоит, и что он его осуществляет. Итак, *каждый знает, что и он сам и другие признают и его самого и других свободным через тождество и тождественным через свободу, и притом — через тождество и свободу, реальные и в нем самом и в других*.

Возникает глубокое и своеобразное отношение, которое Гегель и называет *тождеством субъективных душ*.

Каждый человек может рассматриваться как *конкретный сплав „родового-существенного“ и „видового-специфического“*. „Родовое-существенное“ *едино* для всех людей, у всех людей, во всех людях: это есть субстанциальная Всеобщность, благая духовная стихия, реально имманентная каждому существу; это есть метафизическое *essentiale* человека, правая и свободная, всеобщая и неисказимая глубина его души. Напротив, „видовое-специфическое“ *различно* во всех людях: это есть их существующая *Особенность*, наличность которой делает каждого из них индивидуальным, т. е. отдельным и самостоятельным, и содержание которой дифференцирует людей, делая каждого из них непохожим на других и своеобразным.

<sup>1</sup> „Verdoppelung seiner selbst“: Nohl. 379.      <sup>2</sup> Enc. III. 284 (Z.).      <sup>3</sup> „im freien Andern sich anerkannt weiss, und dies weiss, insofern es das Andere anerkennt und dasselbe frei weiss“: Enc. III. 283.      <sup>4</sup> „Sie als Mich, Mich als Sie“: Phän. 266.

И вот, спекулятивное вживание *ассимилирует* „видовое-специфическое“ в процессе обмена и тем *раскрывает* „родовое-существенное“, скрывавшееся за видимыми особенностями: каждый узнает себя (т. е. *свое всеобщее и особенное содержание*) в каждом, и каждого другого (т. е. *всеобщее и особенное содержания другого*) в себе. Это не значит, что из жизни людей *исчезает* индивидуальная форма существования; нет, люди сохраняют эмпирическую отдельность и самостоятельность жизни (в этом-то и состоит основная трудность для понимания); мало того, по закону *органического сращения*<sup>1</sup> каждая сторона *отправляется от своих содержательных особенностей и*, вживая в себя чужое содержание, неизбежно сохраняет *иную первоначальную ткань*, как бы иной приемлющий сосуд. Каждый индивидуум, вступивший в содержательную ассимиляцию с другим, *вынашивает*, в конце концов, то же самое, но *по-своему*, так, что *никакая ассимиляция* не может лишить ни одну из сторон оригинальности и своеобразия: *общее* содержание циркулирует в каждом из сращенных, но первоначальная особенность ведет каждого к созданию *своего, нового*, дающего возможность бесконечного обмена дарами.<sup>2</sup>

Но вопреки этой эмпирической отдельности и этому специфическому своеобразию, спекулятивное вживание создает *единое*, общее всем сросшимся, *особенное содержание* и открывает *единый всеобщий* духовный корень их бытия. Каждый из людей видит в себе и в других жизнь *единой духовной субстанции* и утверждает себя и всех других *в тождестве с нею* и благодаря всему этому *в тождестве друг с другом*.

Ни один не видит более в другом „чуждого объекта“, но каждый видит в каждом *духовно-единокровного субъекта*, субъективность которого несомна тою же объективной *субстанцией*, движима тою же объективной *силою* и насыщена тем же объективным *содержанием*, как и его собственная. Осуществляется „высшая субъект-объективность“,<sup>3</sup> при которой каждый „объект“ созерцается как метафизически-единокровный „мне“ субъект, а каждый субъект одухотворен высшею „объективностью“ духа. В общении людей открывается „совершенная свобода от объекта“,<sup>4</sup> ибо стороны вступают в „субстанциальное“<sup>5</sup> „тождество друг с другом“,<sup>6</sup> в то „субстанциальное“<sup>7</sup> „завершенное единство“,<sup>8</sup> в котором они образуют нечто „единое“.<sup>9</sup> Люди,

<sup>1</sup> См. главу седьмую.    <sup>2</sup> См. главу седьмую.    <sup>3</sup> Ср.: индивидуум „gelangt zur höchsten Subjekt-objektivität“: Lass. II. 466.    <sup>4</sup> „völlige Objektivität“: Nohl. 379.    <sup>5</sup> Ср. о „сомнамбулизме“: „substantielle Identität“: Enc. III. 166.    <sup>6</sup> „Identität mit einander“: Enc. III. 284. (Z.). 284 (Z.).    <sup>7</sup> „substantielle Einheit“ Enc. III. 393.    <sup>8</sup> „vollendete Einigkeit“: Nohl. 379.    <sup>9</sup> „Eins“: Nohl. 379. Anm.

вступившие в такое спекулятивное единение,<sup>1</sup> оказываются духовно сросшимися, „как бы слившимися“,<sup>2</sup> воздвигшими из себя новое духовное единство.

Вопрос о том, какими силами или средствами души осуществляется это спекулятивное слияние (Schluss)<sup>3</sup> или сращение (Concretion)<sup>4</sup> людей, разрешался Гегелем в разные периоды его жизни *неодинаково*. Самая возможность *духовного сращения* открылась ему под влиянием *евангельского учения о любви*,<sup>5</sup> как о религиозном и божественном состоянии всеобщего приятия и примирения. Постепенно глубокая метафизическая потребность найти не „возможный“ и „желанный“ status духовного сращения людей, но *всегда наличную и во всем реальную, всему имманентную стихию, необходимым образом осуществляющую во всем спекулятивное слияние*, заставила его обратиться к элементу *объективного Понятия* и, соответственно, в человеке — к элементу *спекулятивного мышления*. Однако предметное расширение его философствования заставило его впоследствии допустить существенные ограничения для этой „логической“ концепции<sup>6</sup> и сделать многозначительные оговорки в пользу *воли и бессознательного* (в этике),<sup>7</sup> *воображения* (в искусстве)<sup>8</sup> и *чувствования* (в религии).<sup>9</sup> Понятно, что действительная полнота духовного единения предполагает участие *всех сил души*.

И вот, когда между людьми осуществилось такое спекулятивное сращение, так, что каждый „приял“ всех и все „прияли“ каждого, тогда *явление живого человеческого общества становится адекватным своему метафизическому субстрату: спекулятивная конкретность множества, слившегося в Единство, становится конститутивным законом человеческого существования, подобно тому как спекулятивная дифференциация Единства, разделившего себя на множество, есть закон божественного бытия*. Тогда совместная жизнь людей слагается в своеобразную целостную картину, являющую „действительный образ нравственности“. Эта картина имеет следующие черты.

В глубочайшей основе „нравственного образа“ лежит „истинная“, „истинно-абсолютная“<sup>10</sup> *стихия Духа Божия, единая по существу и социально-множественная в явлении; социальное целое и в целом, и в частях, и в единичных образованиях живет ее ритмом и ее содержанием, слагая зрелое осуществление добра*.

<sup>1</sup> „Dies Verhältnis ist durchaus spekulativer Natur“: Enc. III. 284 (Z.). <sup>2</sup> „gleichsam zusammengefloßen sind“: Enc. III. 284 (Z.). <sup>3</sup> См. главу седьмую. <sup>4</sup> См. главы первую и седьмую. <sup>5</sup> См. главу двадцатую. <sup>6</sup> См. главы десятую, одиннадцатую, двенадцатую и двадцать первую. <sup>7</sup> См. главы пятнадцатую, шестнадцатую и семнадцатую. <sup>8</sup> См. главы двенадцатую и двадцать первую. <sup>9</sup> См. главы третью, двенадцатую и двадцать первую. <sup>10</sup> Lass. II. 474.

Это означает, прежде всего, что образ нравственности представляет из себя состояние Божественной субстанции, лежащей в основе всякой общественной и личной добродетели, как и всякого, — не только общественного и личного, — бытия. „Нравственность“ есть одна из ступеней, одно из состояний самого Божества, выковывающего себе в мире „верное“ явление; это есть, следовательно, само Божество в одном из своих „верных“ образов. Поэтому нравственность есть явление Субстанции: „Субстанция на ступени нравственности“ или проще „нравственная субстанция“ (sittliche Substanz).<sup>1</sup>

Как и во всех иных частях и явлениях мира, так и в нравственности, субстанция имманентна всем своим „акциденциям“ или „явлениям“, так что она должна быть приравнена „тотальности своих обособлений“.<sup>2</sup> Это значит, что и здесь она не „абстрактна“, не „пуста“, не „мертва“ и не „удалена“ от реального процесса, но пребывает в нем в качестве его подлинной творческой сущности. Поэтому нравственная субстанция есть живое единство<sup>3</sup> — „нравственная жизнь“,<sup>4</sup> „живой нравственный мир“.<sup>5</sup> Ее следует рассматривать как жизнь Бога в душах людей, отдающих свои силы на преодоление своей „материальной“ и „социальной“ несвободы.

Это можно выразить так, что жизнь нравственной субстанции есть жизнь человеческих душ, и зрелость ее бытия определяется уровнем их существования. Именно благодаря тому, что она растворена (aufgelöst) во множестве „самостных“ существ (im Selbst), она есть „не мертвая, но действительная и живая сущность“.<sup>6</sup> И в качестве живой сущности, достигшей в них сознания и самосознания, она есть уже не только субстанция, но дух.

„Нравственный дух“ есть не что иное, как „непосредственное единство субстанции с самосознанием“.<sup>7</sup> Когда субстанция существует так, что она сознает в душах людей свое единство и свою подлинную природу; когда люди живут так, что сознают себя единою субстанциею, тогда нравственность становится осуществленною, а нравственный мир есть тем самым мир духовный. Нравственность есть, по существу, не просто мир субстанциальный, но именно мир духа:<sup>8</sup> не только „принадлежащий“

<sup>1</sup> Ср. напр.: Phän. 268. 268. 269. 270. 314. 332. 338. 552. Enc. III. 393. 403. Recht. 68—69. 220. 428 и др. <sup>2</sup> См. главы пятую и седьмую. <sup>3</sup> Ср.: W. Beh. 401. 413. Phän. 328—329. Enc. III. 396. Ph. G. 44. <sup>4</sup> Phän. 330. Курсив Гегеля. <sup>5</sup> Phän. 330. Курсив Гегеля. <sup>6</sup> Phän. 328—329. Курсив Гегеля. <sup>7</sup> „well der sittliche Geist die unmittelbare Einheit der Substanz mit dem Selbstbewusstsein ist“: Phän. 342; ср. 415. <sup>8</sup> Ср.: Phän. 268. 283. 328. 330. 332. 333. 342. 527—528. 552. Enc. II. 29. Enc. III. 391. 394. 442. Recht. 220. 220. 221. 340. 341. 342.

духу или „созданный“ им, но *сотканный из духа и духовных состояний*, — сам дух в своем истинном виде.<sup>1</sup> „Нравственность есть дух в его непосредственной истине“.<sup>2</sup> Это есть „дух на ступени нравственности“, или „нравственный дух“ (*der sittliche Geist*).<sup>3</sup>

Этот дух есть, следовательно, сам „абсолютный дух“,<sup>4</sup> „реализованный во множестве“ существующих человеческих сознаний,<sup>5</sup> разложивший или „обособивший“ себя<sup>6</sup> на множество самостоятельных лиц и составляющий их живую сущность,<sup>7</sup> их реальную Всеобщность.<sup>8</sup> Всеобщая духовная субстанция, включая в себя все свои „особенные“ части и „единичные“ образования, является их целокупностью, их „*тотальностью*“,<sup>9</sup> имманентною им, состоящею из них по объему и составляющею их по содержанию. Она входит в них как их живая сущность, а они входят в нее как ее живые части.<sup>10</sup>

Отсюда уже ясно, что настоящим „элементом“ нравственности является не субъективная, индивидуальная душа, но социальное целое, „*тотальность*“ человеческих душ. *Нравственность не есть состояние единичной души*; она есть особая „система“<sup>11</sup> состояний и отношений, новая „природа“,<sup>12</sup> воздвигшаяся на высшей ступени. Эта „система“ или „природа“ не может сложиться в зрелый образ и разложить себя сполна на все свои потенции<sup>13</sup> в душе одного человека: „единичность индивидуума не есть первое; (первое — это) жизнь нравственной природы, Божественность, а для ее сущности единичный индивидуум слишком беден, чтобы охватить ее природу во всей ее реальности“.<sup>14</sup> Поэтому абсолютная нравственность есть состояние *многих* людей и „реальность всеобщего состоит“ здесь в том, что оно существует „в виде множества индивидуумов“.<sup>15</sup> Это множество, конечно, не ведет разрозненной и обособленной жизни, но тем не менее оно остается множеством даже тогда, когда спекулятивное *единство* становится законом его существования.

Это множество образует „нравственную систему“ именно потому, что оно внутреннее *несомо* „субстанцией или реальной духовной сущностью“.<sup>16</sup> Нравственная субстанция есть живая основа<sup>17</sup> этого множества. Она есть некая „эфирность“, некая

<sup>1</sup> „die lebendige sittliche Welt ist der Geist in seiner Wahrheit“: Phän 330; „der sittliche oder der wahre Geist“: Phän. 527. 563. <sup>2</sup> Phän. 336. <sup>3</sup> Ср., напр.: Phän. 342. 527. 527—528. 563 и др. <sup>4</sup> Phän. 332. <sup>5</sup> Ibidem. <sup>6</sup> „sich abstrakt in viele Personen... besondernd“: Enc. III. 394. <sup>7</sup> Ср.: Phän. 313. 323. 349. Ph. G. 36 и др. <sup>8</sup> Ср.: W. Beh. 327. 396. 397. Phän. 334. 341. 392. 563. Recht. 221. <sup>9</sup> Ср.: W. Beh. 415. 416. 416—417. 421. Phän. 344 и др. <sup>10</sup> См. главу пятую. <sup>11</sup> Ср.: Lass. II. 474. <sup>12</sup> Ср.: Lass. II. 475. 475. <sup>13</sup> „als ausgebildetes, in seinen Potenzen sich vollständig vertellendes“: Lass. II. 474. <sup>14</sup> Lass. II. 474—475. <sup>15</sup> Lass. II. 481. <sup>16</sup> „Substanz oder reales geistiges Wesen“: Phän. 323. <sup>17</sup> Ср.: „Grund“: Lass. II. 465—466; „Grundlage“: Phän. 291.

„элементарная“ и „чистая“<sup>1</sup> „сущность всех существ“<sup>2</sup>, как бы „всеобщая кровь“<sup>3</sup>, циркулирующая во всем и создающая все своим движением. Она есть „душа“<sup>4</sup> и „предметная сущность“<sup>5</sup> всякого человеческого самосознания — истинная „бесконечность“<sup>6</sup>, образующая в своем „мощном“<sup>7</sup> и „величественном“<sup>8</sup> течении „объективную“<sup>9</sup> и „содержательную основу“ всякой личной добродетели.<sup>10</sup> Она есть „всеобщий медиум, поддерживающий“<sup>11</sup> жизнь единичного человека, „обуславливающий“ его деятельность<sup>12</sup> и делающий его вообще впервые возможным.<sup>13</sup>

Естественно, что нравственный дух получает значение *всеобщей абсолютной силы*, сопротивляться которой невозможно для индивидуума.<sup>14</sup> Дух сам подразделяет себя на единичных людей,<sup>15</sup> пребывает в них, живет *ими и в их лице* и остается их „внутреннюю силою и необходимостью“,<sup>16</sup> их определяющей судьбою.<sup>17</sup> Сознательно или бессознательно, тайно или явно, но „нравственное“ оказывается „двигателем всех человеческих дел“,<sup>18</sup> и это выражается, между прочим, и в том, что законы и нравы имеют значение „существенных“<sup>19</sup> „деятелей“,<sup>20</sup> „бессознательно проникающих“ в людские души и обнаруживающихся в их деяниях.<sup>21</sup> Нравственный Дух действительно имеет характер *мощного единства*, поддерживающего и утверждающего себя в видимой множественности душ и стремлений. Но истинную высоту и победность это самоутверждение получает только тогда, когда *личная жизнь людей* достигает *нравственной зрелости*. Тогда жизнь социальной субстанции слагается в *органическую форму*.

Общество людей, развернувшееся в нравственную систему, есть *спекулятивный организм*: „живой образ или органическая тотальность“.<sup>22</sup> Оно следует в этом единому, общему закону духа, и можно сказать, что „всеобщая субстанция „существует в качестве живой лишь постольку, поскольку она предает себя

<sup>1</sup> „Ätherizität, das Elementarische, Reine“: Lass. II. 474. <sup>2</sup> „das Wesen aller Wesen“: Phän. 313; ср.: Phän. 349. Enc. II. 529. Ph. G. 36. <sup>3</sup> Ср.: главы пятую и седьмую. <sup>4</sup> Ср.: „Seele und Wesen“: Phän. 265. <sup>5</sup> „gegenständliches Wesen“: Phän. 265. <sup>6</sup> W. Beh. 338. <sup>7</sup> Ср.: „absolute Macht“: Phän. 349. Enc. II. 529. <sup>8</sup> Ср.: „absolute sittliche Majestät“: W. Beh. 338. <sup>9</sup> Ср. Log. III. 187. Recht. 268. <sup>10</sup> Ср.: „inhaltvolle Grundlage“: Phän. 291. <sup>11</sup> Ср.: „das allgemeine erhaltende Medium“: Phän. 265. <sup>12</sup> „bedingt“: Enc. III. 392. <sup>13</sup> „In dessen Zusammenhang allein vorhanden“: Enc. III. 392. <sup>14</sup> Log. III. 187. <sup>15</sup> Enc. III. 391. <sup>16</sup> „Die abstrakte DIRECTION dieses Geistes ist die Vereinzelung in Personen, von deren Selbständigkeit er die Innere Macht und Nothwendigkeit ist“: Enc. III. 391. <sup>17</sup> „Die Macht, als die objektive Allgemeinheit und als Gewalt gegen das Objekt, ist, was Schicksal genannt wird“: Log. III. 192. <sup>18</sup> „das Sittliche, der Beweger aller menschlichen Dinge“: W. Beh. 327. <sup>19</sup> Ср.: „Wesenheiten“: Ph. G. 36. <sup>20</sup> „Agentien“: Log. III. 187. <sup>21</sup> Log. III. 187. См. главу шестнадцатую. <sup>22</sup> „lebendige Gestalt oder organische Totalität der Sittlichkeit“: W. Beh. 391.

органическому обособлению“.<sup>1</sup> „Абсолютная нравственность“ как „образ мира“ должна непременно „организовать себя в совершенстве“,<sup>2</sup> т. е. развернуть себя в *стройное, содержательно ассимилированное и формально объединенное единство принадлежащих органов*.<sup>3</sup>

Это означает, что нравственная субстанция, следуя своей внутренней необходимости, „разветвляется“<sup>4</sup> и внутренне „расчленяет“<sup>5</sup> себя на части, или „потенции“,<sup>6</sup> которые, в свою очередь, представляют из себя особые „подчиненные системы“.<sup>7</sup> Все эти части или системы стоят в „непосредственном касании“<sup>8</sup> и „непосредственном взаимодействии друг с другом“,<sup>9</sup> соблюдая „каждая свой живой облик“,<sup>10</sup> но питая друг друга<sup>11</sup> и слагаясь сообща в живой и стройный „порядок“<sup>12</sup> под руководством центральной „органической силы“.<sup>13</sup>

Эта сила есть живая сила самого целого, живущего в своих частях и творящего в них себя.<sup>14</sup> „Тотальность“ созидает в себе свои части, проникает в них и оживляет их“;<sup>15</sup> она „разрешает“ их бытие в „абсолютную мягкость“<sup>16</sup> и гибкость и тем придает себе характер „текучей“ и всепронизывающей сущности;<sup>17</sup> она „ассимилирует“ и „индифференцирует“ всякое особенное содержание<sup>18</sup> и сообщает „целиком все моменты своего“ ассимилированного содержания<sup>19</sup> каждой своей потенции, она соблюдает „меру“ каждой<sup>20</sup> и поддерживает „гармонию частей“,<sup>21</sup> утверждая в их „спокойном равновесии“<sup>22</sup> свою силу<sup>23</sup> и их жизнеспособность.

Дух целого царит<sup>24</sup> над жизнью частей и придает ей „абсолютную прозрачность“, „единство“<sup>25</sup> и мощь. Благодаря этому „ни единичная потенция, ни существование всех потенций вообще не может застыть“: дух целого „вечно разворачивает их“ и „столь же абсолютно свертывает и подымлет их“ и вновь „наслаждается собою в неразвитом единстве и ясности“;<sup>26</sup> его отношение к потенциям внутренне-целесообразно и творчески-властно; „уве-

<sup>1</sup> Энцикл. III. 396. <sup>2</sup> „muss sich vollkommen organisiren“: W. Beh. 378—379.  
<sup>3</sup> См. главу седьмую. <sup>4</sup> „Verzweigung“: Lass. II. 485. <sup>5</sup> „Trennung“: Lass. II. 481; „Auseinandertreten“: Lass. II. 485.; „sich gliedert“: Phän. 443. <sup>6</sup> Cp., напр.: Lass. II. 475. W. Beh. 412. <sup>7</sup> Lass. II. 481. 485. 487. <sup>8</sup> „die Unmittelbarkeit der Berührung“: W. Beh. 364. <sup>9</sup> „unmittelbar... rückwirken“: W. Beh. 364. <sup>10</sup> „jede in ihrer lebendigen Gestalt“: Lass. II. 475. <sup>11</sup> Cp.: Phän. 374. <sup>12</sup> Cp.: Phän. 280. Recht. 11. <sup>13</sup> Cp.: „organische Zentralgewalt“: Lass. II. 486. <sup>14</sup> Cp.: „in und durch alle seine Theile“: Lass. II. 483. <sup>15</sup> „sie durchdringt und belebt“: W. Beh. 414; cp.: Lass. II. 485. <sup>16</sup> „in die absolute Weichheit aufgelöst“: Lass. II. 474. <sup>17</sup> Cp.: „die Substanz selbst dies flüssige Wesen geworden ist“: Phän. 529. <sup>18</sup> „indifferentirt, assimilirt“: W. Beh. 414. <sup>19</sup> „ganz und alle Momente ihres Inhalts“: Phän. 333. <sup>20</sup> „die Strenge des Maasses“: Recht. 11. <sup>21</sup> „die Stärke des Ganzen aus der Harmonie seiner Glieder“: Recht. 11. <sup>22</sup> „ruhiges Gleichgewicht aller Theile“: Phän. 344.; cp.: Lass. II. 494. <sup>23</sup> Recht. 11. <sup>24</sup> Cp.: „schwebt“: W. Beh. 415. <sup>25</sup> Cp.: „absolute klare Einheit“: W. Beh. 409. <sup>26</sup> W. Beh. 409.



ренный и неделимый в своей внутренней жизни, он то сокращает одну посредством другой, то целиком переходит в другую и уничтожает все остальные, и потом опять „уходит в абсолютный покой, в котором сняты все потенции“.<sup>1</sup> „Нравственная тотальность“, преследуя единую цель духовного самоподдержания, все время „ограничивает“ свои части и лишает их *самостоятельной* реальности,<sup>2</sup> и так слагает свой „исторический“<sup>3</sup> процесс во времени: <sup>4</sup> она „колеблется“ между своими „противоположными“ потенциями — то укажет (*mahnt*) одной на ее назначение, то даст ей преобладание и тем произведет „вторжение“ и внесет „разрыв“ в другую,<sup>5</sup> то волеет в нее своим „интенсивным присутствием“<sup>6</sup> новую жизнь и немного спустя <sup>7</sup> напомнит всем вместе о том, что они временны и не самостоятельны; <sup>8</sup> и снова она „разрушает их избыточное распространение и их самоорганизацию, вдруг сливая их все в единичные моменты и сводя их к себе“, с тем, чтобы опять „возродить“ их из простого „единства“ и „отпустить их, напомнив им об этой зависимости“ и сообщив им уверенность, „что они будут слабы, как только захотят стать самостоятельными“.<sup>9</sup> Она подвергает их спекулятивной „негации“<sup>10</sup> и, понуждая, „заставляет“<sup>11</sup> их творить жизнь и закон целого; она созидает этим свое развитое, развернутое существование и, собрав свои разбросанные лучи в единый фокус, „созерцает и познает“<sup>12</sup> из него свой образ. Она осуществляет этим законы спекулятивной *всеобщности и конкретности* и тем обнаруживает свою *божественность*: она есть *организм*, живущий в своих органах, и в то же время *тотальность органов*, живущих в органическом единстве. Абсолютная нравственность „имеет в индивидуумах свое своеобразное органическое тело, и ее движение и жизнь как всеобщие и как особенные абсолютно тождественны в совместном бытии и делании всех“ людей.<sup>13</sup>

Всеобщий нравственный дух „подводит под себя“, или „вбирает“, включает в себя *всех*:<sup>14</sup> он составляет „реальность“ индивидуальных созиданий и утверждает — „дружески или враждебно“ — свое тождество с ними.<sup>15</sup> Духовная субстанция „растворена“<sup>16</sup> в индивидуальных душах и, в свою очередь, „про-

<sup>1</sup> W. Beh. 409—410.    <sup>2</sup> „Einschränken und Ideellsetzen“: W. Beh. 412  
<sup>3</sup> „die Geschichte der sittlichen Totalität“: W. Beh. 412.    <sup>4</sup> „in der Zeit“: W. Beh. 412.  
<sup>5</sup> „Einbrüche und Risse“: W. Beh. 412.    <sup>6</sup> „kräftiges Inwohnen“: W. Beh. 412.  
<sup>7</sup> Cp.: „für eine Zeit“: W. Beh. 412.    <sup>8</sup> „an ihre Zeitlichkeit und Abhängigkeit erinnert“: W. Beh. 412; cp.: Lass. II. 485. 486. W. Beh. 349. 354. 410.  
<sup>9</sup> W. Beh. 412; cp.: Phän. 363.    <sup>10</sup> Cp.: Lass. II. 485. 486.  
<sup>11</sup> Cp.: „bezwängen“: W. Beh. 372.    <sup>12</sup> Cp.: „wiederstrahlt und sich darin anschaut und erkennt“: W. Beh. 415.  
<sup>13</sup> W. Beh. 400; cp. Lass. II. 485.    <sup>14</sup> „die Subsumtion aller unter ein allgemeines“: Lass. II. 466. Phän. 230.  
<sup>15</sup> „freundlich oder feindlich identisch mit ihnen“: Lass. II. 466.    <sup>16</sup> „aufgelöst“: Phän. 328—329.

никнута“<sup>1</sup> ими: она стоит с ними в „непосредственном“<sup>2</sup>, „безусловном, целостном, простом“<sup>3</sup>, „абсолютном“<sup>4</sup> единстве<sup>5</sup> и тождестве,<sup>6</sup> так, что между обеими сторонами угасает отношение<sup>7</sup> и нельзя даже сказать, что „абсолютная нравственность отражается“<sup>8</sup> в единичной душе. Целое просто „равно“ своим частям и живые индивидуумы „равны“<sup>9</sup> своей Всеобщности: они живут в ней<sup>10</sup> и существование нравственной субстанции состоит в их „действительности и деятельности“.<sup>11</sup> „В каждом и для каждого из них, даже поскольку они единичны“,<sup>12</sup> живет и творит себя дух целого, сливаясь с ними и сливая их с собою;<sup>13</sup> так, что действительно обнаруживается некоторая *классическая простота и живое единство*. „Эта нравственность“ как „живой самостоятельный дух“ „является наподобие Бриарея с мириадами глаз, рук и других членов, из которых каждый представляет из себя абсолютного индивидуума“,<sup>14</sup> и в этом виде своем она образует единый *духовный организм, живущий единым всеобщим самосознанием*.

*Духовное единство людей* отнюдь не есть „норма“ или „требование“, или „идеал“; его не следует также понимать в смысле какого-нибудь „отвлечения“, или результата познавательных „комбинаций“, или эмпирического „сосуществования“. Это единство, являющееся на высшей ступени единством *воли и самосознания*, есть *абсолютная и объективная реальность*: нравственный коллектив *действительно* обладает *единым самосознанием*<sup>15</sup> и *единою волею*. При этом „всеобщее самосознание“ живет в *единичных* сознаниях — в каждом и во всех, во всех порознь и во всех вместе; и точно так же „всеобщая воля“ живет в *единичных* волях — в каждой и во всех, во всех порознь и во всех вместе.

*Всеобщее самосознание* трижды оправдывает свое имя: это есть, во-первых, самосознание *индивидуума*, пронизавшее *весь* строй его субъективного духа вплоть до его субстанциальных глубин; это есть, во-вторых, самосознание *коллектива*, выношенное *каждым*, осознавшим себя во всех и всех в себе, и *всеми*, осознавшими себя в нем и его в себе; это есть, в-третьих, самосознание *Субстанции*, осуществившееся в самосознании *индивидуума*, признавшего ее в себе, и себя в ней, и в самосознании *коллектива*, каждый член которого знает всех в ней, и ее во всех, и знает, что все знают ее во всех и всех в ней. По-видимому, всеобщее самосознание не имеет особого внешнего носителя и живет всецело в единичных душах; и тем не менее только по-

<sup>1</sup> „durchdrungen“: Phän. 313.    <sup>2</sup> Phän. 279. 342. 353.    <sup>3</sup> „schlechthin Eins“; ср.: Lass. II. 465. Glaub. 148. W. Beh. 338. Recht. 217.    <sup>4</sup> W. Beh. 323. Enc. III. 392.    <sup>5</sup> W. Beh. 362. Phän. 264—265.    <sup>6</sup> Lass. II. 452. W. Beh. 367. 400. Enc. III. 390—391. 438. Recht. 212—220.    <sup>7</sup> Recht. 212.    <sup>8</sup> „sich abspiegle“. W. Beh. 396.    <sup>9</sup> „gleich“: Lass. II. 465. 466—467.    <sup>10</sup> Lass. II. 481.    <sup>11</sup> Phän. 314.    <sup>12</sup> Lass. II. 466.    <sup>13</sup> „zusammenfließen“: Phän. 229—230.    <sup>14</sup> Lass. II. 464.    <sup>15</sup> Ср.: Phän. 264—265. 307. 403.

верхностная и рассудочная мысль может усмотреть в таком понимании что-то в роде „социального номинализма“. Ибо реальность всеобщего самосознания есть *действительная, объективная реальность*, живущая, правда, в индивидуальных душах, но в *осуществлении* своем *перерождающая* и *содержание*, и *ритм* их индивидуальной жизни: реально меняется и обновляется и то, *чем* живет душа, и то, *как* она живет. Всеобщее самосознание есть состояние всеобщей субстанции, *отвоевавшей себе* сферу личностно-особенного сознания. Поэтому необходимо признать, что всеобщее самосознание, осуществившееся в индивидуальных душах живет *не в них, а ими*, или *в виде их*, так, что „имеется только движение всеобщего самосознания в нем самом в виде взаимодействия его в форме всеобщности и (в форме) личного сознания“.<sup>1</sup>

Подобно этому и *Всеобщая воля* трижды оправдывает свое имя: это есть, во-первых, единая и разумная страсть *индивидуального духа*, восстановившая свою *цельность* и свою правоту и осуществляющая свою свободу от всякого вещественного, и социального, и субстанциального инобытия; это есть, во-вторых, *воля коллектива*, выношенная *всеми* так, что волевая активность каждого совпадает по содержанию, по цели и по результатам с волевою активностью каждого другого и всех других — порознь и сообща, ибо каждый стремится и работает, осуществляя такое „самоподдержание“, которое есть *eo ipso* „самоподдержание“ каждого другого и всех вместе (органическое взаимо-питание частей); это есть, в-третьих, *Всеобщая воля* самой *Субстанции*, обнаруживающая себя в *воле индивидуума*, особенная воля которого предалась субъективно-всеобщей, *id est* объективно-всеобщей, стихии духа, и в *воле коллектива*, каждый член которого несет в себе субстанциальную волю и несом субстанциальною волею, как своею живою сущностью. По-видимому, и всеобщая воля не имеет особого внешнего носителя и живет исключительно в единичных душах; и тем не менее мысль, осуществившая в себе спекулятивное видение Гегеля, не может усмотреть в его учении о всеобщей воле „номинализма“. Реальность всеобщей воли есть *подлинная, объективная реальность*; правда, она живет в *единичных* душах, но в обнаружении своем она *перерождает* волевою активностью каждого и в *содержании ее*, и в *цели*, и в *результатах*. Всеобщая воля как бы разлилась, беспрепятственно распространилась в душах людей настолько, что каждая индивидуальная воля утопила себя и, действительно, *потонула* в стремящей стихии *Субстанции*, и все они, имея единое, общее содержание, единую, общую цель и единый, общий результат и зная свою органическую ассимилированность, сращенность и тождество, слагаются в *мощное, функциональное единство* Все-

<sup>1</sup> Phän. 444.

*общей воли.*<sup>1</sup> Поэтому можно сказать, что Всеобщая воля живет не в индивидуальных душах, а *ими*, или в *виде* их, так, что имеется *только ее „движение“ в ней самой*: она принимает форму индивидуально-особенной воли<sup>2</sup> для того, чтобы раскрыться в „систему нравственности“, и вновь возвращается к себе<sup>3</sup> в акте совести, осуществив себя в инобытии и утвердив свою субстанциальную свободу.

И вот, „эта Всеобщность, безусловно и просто соединившая с собою особенность, есть Божественность народа“,<sup>4</sup> составляющая *сущность нравственности* и глубочайшую природу *личной души*. „Народный дух есть знающее себя и желающее себя Божественное“.<sup>5</sup> Это означает, что в пределах *нравственной философии* под „всеобщим“ следует разуметь *дух отдельного, единичного народа*, под „особенным“ — *дух отдельного сословия*, а под „единичным“ — *дух отдельного, единичного лица* (семьи, составляющей единое лицо,<sup>6</sup> или человеческого субъекта).<sup>7</sup> Нравственная субстанция, создавшая себе адекватную действительность, есть Дух Божий, который реализовал себя в виде народа, ведущего *конкретно-нравственную жизнь*.<sup>8</sup> Народ, осуществивший все три великих сращения, есть *трижды конкретный образ нравственности* — подлинное явление Божества, своего рода „мистическое единство“<sup>9</sup> людей и Бога. Ибо „действие Божества“ ведет всюду к одинаковому результату: *к спекулятивной конкретности*<sup>10</sup> — к сращению духовного в духе.<sup>11</sup>

При таком понимании нравственность является сразу как веяние Духа Божия в личной душе — „*добродетель*“; как жизнь коллективного „индивидуума“,<sup>12</sup> развернутая в самостоятельный организованный „мир“<sup>13</sup> — „государство“; и, наконец, как „субстанциальное в мировой действительности“,<sup>14</sup> или „Божественное во внешнем предмете истории“.<sup>15</sup>

Прежде всего, нравственность должна быть рассмотрена как *добродетель индивидуума*.

<sup>1</sup> См. главу пятнадцатую. <sup>2</sup> Ср.: Phän. 444. 445. Ph. G. 44. Mollat. 54.  
<sup>3</sup> Ср.: Mollat. 54. Recht. 42. <sup>4</sup> „Göttlichkeit des Volkes“: Lass. II. 467. <sup>5</sup> „das sich wissende und wilende Göttliche“: Recht. 312. <sup>6</sup> Ср.: „die Familie ist nur eine Person“: Enc. III. 394. <sup>7</sup> См. главу двадцатую. <sup>8</sup> Ср.: „der Geist ist das sittliche Leben eines Volkes“. Phän. 330; „als die wirkliche Substanz ist er ein Volk“: Phän. 333; „die wirkliche ihrer bewusste sittliche Substanz, das ganze Volk“: Phän. 338; „der sittliche oder sitliche oder wahre Geist... ist das freie Volk“: Phän. 527; ср. Enc. III. 391. 403. Recht. 68—69. 220. W. Beh. 413. 414 и др. <sup>9</sup> Ср.: „unio mystica“: Nohl. 67. Первоначальное значение термина „unio“ — не „связь различного“, но „единица, единство“. <sup>10</sup> Ср.: „alles Wahre ist concret“: Recht. 43; „Versöhnung ist der Gehalt der spekulativen Idee“: Enc. LXVIII Anm. и др. <sup>11</sup> Ср.: Nohl. 305. <sup>12</sup> Ср.: W. Beh. 413. Phän. 330. <sup>13</sup> „das Individuum, das eine Welt ist“: Phän. 330. <sup>14</sup> Rel. I. 173. <sup>15</sup> Ph. G. 40.

## Глава девятнадцатая

## О ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Образ нравственности, несмотря на всю свою сложность, представляет собой некую целостную и классическую простоту, поддерживающую себя на пути непрерывного спекулятивного сращения. Конкретность этого „образа“ состоит, во-первых, в том, что он всегда скрывает в себе множество элементов и состояний, формально и по содержанию не совпадающих и образующих вместе великое содержательное богатство целого; во-вторых, в том, что эти несовпадающие элементы и части стоят между собою в отношении ассимилирующего обмена, взаимопитания и взаимоподдержания, т. е. в отношении *органической сращенности*. Это означает, что все элементы целого связаны *единою абсолютною основою и единою целесообразною принадлежностью*, так, что все они возможны только в лоне субстанции и действительны только через ее целесообразное пульсирование: множество объято в едином объеме („по-ятии“, Понятии), из которого оно возникло и в который вернулось, а разнообразие содержаний сращено в единую простую, всюду наличную всеобщность, из первоначальной определенности которой оно изошло и в сосредоточенную насыщенность которой оно ныне сомкнулось.<sup>1</sup>

Поэтому образ нравственности есть по существу своему не „множество, соединившееся в цельность“, но субстанциальное „единство, внутренне дифференцировавшееся на множество органов“. Все свойства и все черты нравственности суть свойства и черты *субстанции*; все определения ее получают свой смысл и свое значение именно как определения *единого духа*. В нравственности первоначален *единый, божественный дух*, и только на втором плане она является *человеческим коллективом* — обществом или „народом“. Те, кто не понимают этого и соглашаются признать субстанцию только как продукт *единичных актов*, совершаемых *разъединенными индивидуумами*, те, по убеждению Гегеля, ослеплены видимостью эмпирического явления и принимают его за главное, абсолютное и первоначальное.

Если нравственность *духовна*, то духовность ее, прежде всего, *едина*, потом только *множественна* и, наконец, *опять едина*. Если нравственность *конкретна*, то она, прежде всего, *конкретна первоначальной нерасторгнутостью*,<sup>2</sup> потом только *дискретна* — в явлении и, наконец, *опять конкретна* в смысле *сращения* „дискретных“ частей. Если нравственность *свободна*, то она, прежде

<sup>1</sup> Ср.: сопоставление „нравственной системы“ с системою светил. W. Beh. 395. <sup>2</sup> См. главу восемнадцатую. Ср.: Recht. 220. (Z.).